

СОСЛАН ЧЕРЧЕСОВ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

16+

Библиотека классической и современной прозы

Библиотека классической и современной прозы

Сослан Черчесов
Повести и рассказы

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Черчесов С.

Повести и рассказы / С. Черчесов — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2020 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907254-51-0

В сборник вошли рассказы и повести, характер которых сам автор определил, как «сюрреалистический». Яркие и необычные произведения, в которых проблемы современного общества: неравенство богатых и бедных, локальные войны и их последствия, отношение к простому человеку в обществе и т.д. – замысловато переплетаются с сюрреалистичными образами, возникающими и живущими в сознании героя. Такое двоемирие помогает читателю проникнуть во внутренний мир рассказчика, почувствовать его настроения, переживания, оказаться вместе с ним в гуще событий и, в то же время, понять многие поступки героя – такие подчас нелогичные и непопулярные в наше время. Но он по-другому просто не может: крепкий внутренний стержень, острое чувство справедливости, неуёмное желание помочь нуждающимся – именно эти черты проявляет герой, и именно они дают нам право называть его «настоящим мужчиной». Простые, на первый взгляд, сюжеты произведений, на самом деле оказываются очень глубокими и заставляют по-новому посмотреть на привычные вещи.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

© Черчесов С., 2020

ISBN 978-5-907254-51-0

© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2020

Содержание

Биография	6
Биография-очерк	8
Черная дыра	9
Предисловие	9
1	10
2	13
3	16
4	19
5	23
Побочный эффект	29
Сеанс № 1	29
Сеанс № 2	30
Сеанс № 3	31
Сеанс № 4	33
Девять жизней	35
1	35
2	36
3	38
4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сослан Черчесов

Повести и рассказы

Биография

Меня зовут Сослан Черчесов, начал писать еще в детстве. Пишу стихи и прозу. Я номинант нескольких литературных конкурсов 2016 года: «Поэт года»; «Наследие»; Конкурс имени Сергея Есенина и др. Публиковался в сборниках современной поэзии. Участвовал в международном конкурсе «OPEN EURASIA – 2016» и был приглашен в Лондон на литературный фестиваль. В 2019 году вошел в шорт-лист конкурса «OPEN EURASIA-2019» в категории «малая проза».

Биография-очерк

Рожден я был в крымских,
Татарских степях,
Двух горских народов
Недожинный сплав,
И вырос я в южном
И знойном краю,
На берегах Волги,
В арбузном раю,
Но с русским оттенком
И в русском миру.

Черная дыра

Предисловие

Данное произведение имеет сюрреалистичный сюжет. Все персонажи и события, ситуации, случившиеся с ними, вымышлены. Все, что написано, – художественный вымысел. Данное произведение не является ни историческим, ни биографическим.

1

В старой заброшенной башне свистит ветер, она отчасти разрушена, но все еще крепко стоит. Ночами в горах бывает холодно. Ее построили много лет назад, но тогда строили на века. Такие башни защищали моих предков от врагов, чужаков, которые приходили неизвестно откуда и возвращались в никуда. Древние камни видели многое, но не могут ни о чем рассказать. Возможно, это чья-то родовая башня. На сегодняшнюю ночь эта башня – наше пристанище, наш дом. Нас двое: я и маленькая девочка. Меня зовут Адам – в честь первого человека на земле. Я назвал ее своей сестренкой, но это не так. Мы с ней даже не похожи. У меня черные, как смоль, глаза, густые брови, нос с горбинкой и рыжая борода на подбородке, волосы жесткие, как гвозди. Она совсем другая: большие голубые глаза, курносый маленький нос, вьющиеся, немного кудрявые волосы. Похоже, она уснула. Пусть поспит, день был долгий, она многое пережила, слишком многое для такого маленького человека. Сначала, чтобы она уснула, я держал ее за руку – хотя, скорее, она меня – и я чувствовал тепло маленьких рук. Она меня боится, но уже привыкла ко мне, а я к ней. Она до сих пор не разговаривает, молчит как рыба, обходится жестами и знаками, как немая. Надеюсь, это пройдет со временем.

Я должен отвести ее к блокпосту, там ей помогут, свяжутся с родственниками, и они ее заберут. Маленькой девочке не место на войне. Она осталась совсем одна, как и я. Я зову ее Зара, так звали мою младшую сестру.

Пламя потрескивает и гаснет, я подбрасываю еще несколько веток и пытаюсь уснуть, но не могу – всегда нужно быть начеку. Где-то неподалеку отчаянно завыл волк, видимо, ему тоже не спится и он голоден, как и мы.

От резкого крика, прорезающего воздух и все вокруг, я открываю глаза. Все-таки уснул.

Девочка пропала, где она? Я выбегаю наружу. Она стоит неподвижно, как каменная, и, уставившись прямо на нее, глядит зверь, скаля клыки.

– Стой на месте, не шевелись и не смотри ему в глаза.

Я встаю между ней и волком, в моей левой руке горящая палка, а правая тянется за пояс, где нож.

Желтые глаза уставились на меня, не моргая.

Зверь оскалился еще больше, показав зубы, и зарычал.

Я медленно делаю шаг, вперед выставив факел и сжимая рукоятку ножа за поясом. Я размахиваю факелом, как флагом перед носом чудовища. Зверь опускает лохматую голову и отступает назад.

– Уходи, тебе здесь нечего делать!

– Уходи, борз!

Волк как будто зевнул, завыл напоследок и ушел.

Зверь не трогает зверя.

Девочка бросилась ко мне и обняла меня. Она дрожала от страха, сотрясаясь всем маленьким телом, но не плакала – она разучилась плакать.

– Не бойся, я с тобой. Нам здесь больше оставаться нельзя, надо идти.

Я помню, как однажды в детстве я впервые встретился с волком.

Это было очень давно, в другой жизни, где не было войны, а у меня была семья: мать, отец, старший брат и маленькая сестренка.

Тогда мы с Мансуром – это мой старший брат, он старше меня на шесть лет – пошли за дровами, мы как раз заготавливали их на зиму.

Стояла удушливая жара, непривычная для этих мест, но небо было чистое, ясное. В синей дали виднелись горы – могучие фигуры в седых шапках, вечные, как голубое небо.

– Следи за младшим братом, Мансур, – сказала мама, держа мою маленькую сестренку Зару на руках.

– Хорошо, нана, – ответил он.

Мою маму звали Хадижа, она была красивая и добрая, у нее были большие выразительные черные глаза. Отец шутил: «У твоей матери глаза, как у совы», – и мы все смеялись. У мамы был звонкий детский смех. Мне достались мамины черные глаза, а Мансур больше похож на отца. Отца тогда дома не было, он был на работе.

Он был пастух. Простая профессия, но его уважали соседи. Он старался выглядеть строгим, у него густые черные брови и орлиный профиль. Его небольшие серые глаза то и дело загорались стальным огнем, когда он брался за любое дело. Моего отца звали Умар. Мой брат высокий, выше меня и даже уже выше отца. Отец шутил над ним, что скоро он достанет до потолка.

Мы идем в лес по тропе, которая постоянно поднимается, меняет направление, извивается как змея. Мой брат уже взрослый, идет впереди, и я, как могу, поспеваю за ним. Мой брат уже считается мужчиной, ему пятнадцать, и он сам отвечает за себя.

Наконец, мы на месте, стало немного попрохладнее. Мансур сразу берется за дело. Топор ловко рубит в его руках. Мой брат очень силен для своих лет. Он быстро срезает мелкие ветки ножом. Я как замороженный гляжу на этот нож. Когда моему брату исполнилось пятнадцать, отец подарил его ему.

– Мансур, а ты подаришь мне нож?

– Когда вырастешь, подарю, – улыбается он. – А пока помоги мне.

– Да, сейчас. – И мы вместе пилим какое-то толстое бревно.

Точнее, он пилит, а я помогаю, как могу. Раз-два-три-четыре – наконец, бревно сдается. Мансур вяжет дрова между собой. Я сижу на пне, и мне скучно.

– Мансур, мне жарко, и я хочу пить.

– Потерпи, будь мужчиной, мы закончим, и я дам тебе воды.

Но я был ужасно нетерпеливым. Тут где-то неподалеку должен был быть источник. И я отправился на поиски, когда Мансур отвернулся.

– Мансур! Мансур! – кричу я изо всех сил.

В роще, на развилке тропы лежал волк. Пасть была открыта, язык вывалился из нее и валялся на земле. Из пасти растекалась красная жижа, но зверь еще дышал – слабо, но дышал, боролся за жизнь.

– Что ты орешь? Где ты был, я же сказал – никуда не уходи без меня! – Мансур был недоволен, но, увидев волка, замолчал.

Мне было немного страшно, но страх быстро растворился.

Мне стало жаль зверя.

– Он умирает, Мансур?

– Да.

Волк со злобой и отчаянием посмотрел на нас, приподняв морду. Меньше всего, подумал я, он нуждался в нашей жалости. Он хрипел, и жизнь по капле покидала его. Не знаю, зачем я дернулся вперед и подбежал к умирающему зверю. Мансур не успел меня схватить, я был маленький, но ловкий: «Куда ты? Стой!»

Волк глядел на меня пристально, как будто изучал. Я смотрел на него и не мог моргнуть не то от страха, не то от жалости, а может, от любопытства. Отец говорил мне: «Медведь сильнее волка, тигр сильнее волка, лев сильнее волка, но волк не выступает в цирке. Запомни это, сын». И я запомнил.

– Мансур, это ты?

– Да, это я, дядя Николай.

Дядя Николай был нашим соседом и старым другом моего отца и нашей семьи, он был из казаков.

Зверь заскулил, еще раз посмотрел на меня и обмяк.

Я навсегда запомнил этот момент: два горящих диких желтых глаза смотрят на меня.

Прямо на меня, мне в глаза, как будто разговаривают со мной.

– Его наверняка отравили, и он пришел сюда умирать.

– Как это – отравили? – спрашиваю я.

– Просто убили овцу, а потом набили ее отравой. А он и слопал. Ты же не смотрел ему в глаза, Адам? – спросил дядя Николай. – А то есть одна легенда. Если посмотреть в глаза зверю перед его смертью, душа его к тебе перейдет, ведь глаза – зеркало души.

Я потом всю ночь не спал, думал о том, что он сказал.

2

За несколько месяцев до войны многие дома опустели, многие наши соседи спешно уехали, особенно не местные, у кого не было тут корней. Жизнь изменилась, стала другой, воздух как будто стал тяжелым, и дышать стало нелегко. Наша улица опустела и затихла.

Не было уже общих веселых праздников. Те, кто остался, тоже как будто стали чужими и незнакомыми. Везде в воздухе веял вирус тревоги и недоверия. И мы все заразились. Затишье перед бурей.

На днях мой отец о чем-то громко спорил с дядей Николаем.

– Уезжай, Умар, бери семью и уезжай. Я тебе помогу.

– Нет, Николай, я никуда не поеду. Здесь мой дом, моя земля. Я не вор, не трус и не предатель. Здесь жил мой отец, мой дед. Здесь лежат мои предки.

– Тогда прощай, – глубоко вздохнул Николай. – Да хранит тебя Аллах.

И они обнялись как в последний раз.

– Запомни, парень, нет плохого народа, есть плохие люди.

Мы столкнулись с дядей Николаем у ворот.

Обычно веселый и полный сил, он выглядел подавленным.

А потом уехал, как и многие остальные. Без него жизнь стала еще более серой.

Но было в этом сером тумане яркое светлое окно. Моя сестренка Зара подросла. Она была очень живой и шустрой девочкой. Непоседой и любимицей, которую все обожали. Но мне казалось, что я любил ее больше всех. А она больше всех любила меня. Ведь даже первое слово, которое она произнесла, было Адам – мое имя.

Я научил ее ходить, я мог часами гулять с ней по нашему маленькому двору. Она держала меня за большие пальцы, делая первые неловкие шаги.

Мансур назвал ее медвежонком.

У нее были большие черные глаза, как у мамы, и длинные пушистые ресницы. Хотя такие ресницы были и у меня.

Мансур дразнил меня в детстве, говорил, что я похож на девочку, и не понимал, зачем мужчине такие ресницы.

Она очень быстро научилась говорить, она была умным ребенком.

Прошло еще пару лет, и она уже пела своим звонким голосом.

У нее был хороший голос, и, когда я уставал после школы и домашней работы, она мне пела:

В горном ауле, там, где в июле снега,
По небу ходят рядом с тобой облака,
Что же ты медлишь?
Что ты меня не зовешь?
Как же на свете ты без меня проживешь...

А еще она была очень любопытной и любознательной.

Однажды она подошла ко мне:

– Брат, дядя Николай рассказал одну историю.

– Какую?

– Что мы все и наши предки произошли от троянцев.

– От кого? Дядя Николай большой выдумщик, он и мне рассказывал этот миф.

– Что?

– Миф.

– А что такое миф?

– Это сказка, сестра. Очень давно в Греции жил поэт по имени Гомер.

Он написал историю в стихах. О том, как греки напали и сожгли Трою. Была война, которая шла десять лет. Но небольшой группе троянцев удалось выжить. Они долго странствовали, пока не осели в горах.

– А Греция – это далеко? – спросила Зара.

– Да, очень далеко, – ответил я.

Но в те дни мы еще были счастливы и не представляли, как скоро все изменится. Все перемены словно запустил один день.

Утром отец отвез меня в город. Я тогда заканчивал школу, и отец мечтал, чтоб я стал помощником Имама. Но для начала надо было поступить в Медресе. Шпиль Минарета как будто стремился в небо. Помню, как отец впервые привел меня в мечеть. Он сказал, что это дом Бога. Я чувствовал трепет, смешанный с тревогой. Отец подарил мне маленькую книгу.

Он сказал, что это священная книга Коран – книга о Боге – и что мне надо учить арабский, чтобы я мог ее читать.

Но я был плохим учеником, и арабский давался мне плохо, в отличие от родного и русского языка.

Моя мама работа учителем русского, до того как появился Мансур.

Арабский я так и не выучил.

На площади было полно народа, словно это был митинг.

Люди кричали и толкали друг друга, размахивали флагами.

Ветер разносил листовки о свободе и независимости.

Отец быстро увел меня подальше и сказал, что Всевышний этого не желает.

Тогда я не понял, до чего же я был глуп.

Я любил читать, и бывало, что по вечерам читал все подряд.

Так вот, один русский поэт написал: «Мы отравлены свободой!» – как он был прав.

Вечером того же дня Мансур поругался с отцом и ушел из дома.

После отец никогда не говорил о нем и запретил мне и матери упоминать его имя. Хотя я знаю, мама плакала, когда оставалась одна, но никому этого не показывала. Отец был огорчен, но держал лицо. Больше всех тосковала маленькая Зара, но и она вскоре поняла, что эта тема в нашем доме закрыта.

Через неделю, когда я был дома один, Мансур пришел.

– Все мужчины должны взять в руки оружие. Это мой долг, брат. Береги маму, помогай отцу и присматривай за сестрой. Теперь ты старший брат. Теперь он твой, – и протянул мне свой нож, подаренный отцом.

Мы пожали друг другу руки, а я подумал, что больше его не увижу.

– Прощай, Мансур.

– Еще увидимся, брат.

Власть менялась, менялась жизнь, менялись люди – и не в лучшую сторону. Как сказал отец, все плохое вылезло наверх.

Наши страхи и наши пороки.

По ночам начали пропадать люди, больше их никто не видел, они не возвращались. Отец запретил выходить на улицу по ночам. И вообще гулять одним. Как-то в городе на стене я видел надпись: «Страна чудес: вышел на улицу и исчез». Никто не знал, что делать и как жить. Смута поселилась в каждом доме, в каждом окне.

Опустели магазины, улицы, дома, по улицам разъезжали люди с автоматами, на ветру развевались зеленые и черные флаги.

Закрывались школы и больницы.

На каждом углу кричали о независимости.

И в мой родной город вошли танки.

Группа мужчин в черном несет на руках черный большой сверток.

Процессия приближается, она все ближе к нашему дому.

Она проходит в ворота, останавливается в нашем дворе.

Мужчины опускают черное полотно на землю.

Черное покрывало открывает лицо.

Это Мансур. Мама плачет и уводит Зару в дом.

У отца сжаты кулаки. Его лицо серое, как тень. Уже потом мы узнаем: Мансур вступил в братство борцов за освобождение, но официальные власти называли их «боевиками». Ходили слухи, что Мансур украл девушку, свою невесту по имени Тамила. Я видел ее два раза – красивая и молчаливая девушка.

Новости разносятся быстро, а особенно плохие: в столице произошло несколько взрывов, погибли люди.

Много людей. В воздухе повисло страшное слово – террор.

Ужас поселился в головах и в сердцах.

Ответ центра не заставил себя ждать. Мой родной город начали бомбить. Постепенно из-за уличных боев и бомбежек мой город превратился в руины, в город-призрак, как будто конец света наступил и побывал в нем. Мой родной город стал чужим, каменным кладбищем. А на одной из стен на въезде появилась надпись: «Добро пожаловать в ад». Но это и было адом: в центре моего города появилось то, о чем подумать было страшно, ибо сама мысль была грехом – появился рынок, где продавали и покупали людей, как скот; проституция, контрабанда оружия и наркотики. А еще туда съезжались люди со всего света, готовые убивать за деньги.

А потом наступил самый черный день, разделивший мою жизнь на «до» и «после». Мой дом разбомбили, самолет просто пролетел мимо, оставив только камни, пыль и пепел, и забрал у меня маму, отца и сестру. Я остался один. Внутри меня поселился вакуум, пустота, черная дыра, из которой наверх вырывался вопль, отчаянный крик, застрявший в горле. Я сжал зубы до скрежета и кулаки до хруста в костяшках, так и жил.

Ночь... Я гляжу в небо и кричу: «Почему ты их не защитил? Не защитил мою семью!» У меня был кулон-полумесяц на шее, я сорвал его и выбросил в поле.

С того дня я забыл Бога, а он забыл меня; но, когда Бога нет, приходит другой.

Я чувствовал себя умирающим волком, как будто надел его шкуру. Затравленным зверем, которого видел в детстве.

3

Я дал себе слово отомстить всем, всему миру.

Найти вербовщиков было несложно: на каждом углу они кричали о священной войне и независимой Республике, о свободе.

Меня с радостью приняли в братство освобождения, ведь там хорошо знали моего брата, Мансура.

Я три года воевал за свободу и идеалы новой Республики. Но, как оказалось, все это всего лишь песок.

На самом деле братство занималось бизнесом, курировало контрабанду оружия, наркотрафик и продажу нефти, а также продажную любовь. Борцы за свободу брали дань со своих же земляков и карали тех, кто не платил, жгли их дома и похищали родственников. Я был частью этого, частью этого ада.

Верхушка братства богатела, а в окопах гибли простые бойцы. Мирные люди умирали на улицах. Закон умер. Нет никакой свободы, это иллюзия!

Раньше мне часто снились отец и мама, но постепенно их лица исчезали, как в тумане, и я боялся, что забуду их и не увижу даже во сне.

Однажды мне приснилась моя сестренка, моя Зара. Она бежала по зеленому лугу, сверкая босыми пятками, и смеялась, пока не добежала до огромного голубого озера – гладкого, как зеркало из хрусталя. Она обернулась и долго смотрела на меня своими большими черными глазами, глубокими глазами, полными печали и грусти.

– Прости меня, сестренка, я много ошибался.

– Всевышний любит тебя, – она мне улыбнулась.

И я проснулся. Эти люди не были моими братьями и не заменят мне семью. В войне нет ничего героического, только смерть.

– Аслан сказал привести их, он хочет записать послание. Аслан – наш полевой командир.

– Хорошо, – киваю я и иду вместе со своим напарником.

У него шрам во все лицо, и он вечно молчит – просто ему отрезали язык.

Мы идем причудливыми тропами каменного лабиринта, прислушиваясь к каждому шороху и рассчитывая шаги. Мины и растяжки никто не отменял.

Уродливые черные стены, куски блоков и глыб с дырами и переходами, скелеты сожженных машин, воронки от снарядов.

Пепел, порох и дым заменили кислород. Не знаю, есть ли рай, но ад рядом, он уже здесь – за каждым углом, за каждой стеной, за каждым поворотом. Мы с Гамзало ныряем в уродливую арку, похожую на сломанный огромный циркуль. Лабиринт Минотавра, но вместо Минотавра – смерть. Снимаем цепи и поднимаем клетку – она круглая, похожа на крышку железной банки – и опускаем лестницу вниз. Это яма, глубокая яма, как могила. Место для заложников. Но мы сами заложники проклятого города. Города, похожего на кладбище. Нет, на чистилище, и мы все его пленники.

– Поднимайтесь, – команду я.

Первым выходит высокий, худой, рыжий мужчина лет сорока. За ним – женщина, блондинка с голубыми глазами, и девочка, напоминающая блондинку, лет одиннадцати. Они напуганы и истощены – белые, как мел.

– Что случилось? Они заплатят – мои друзья уже собирают выкуп, – повторяет рыжий мужчина. Блондинка прижимает девочку к себе.

– Просто идите за мной, – говорю я.

И мы идем впятером: я впереди, Гамзало замыкает нашу странную группу. Я веду их той же скорбной тропой каменных серых коридоров. Тяжелое свинцовое серое небо вот-вот упадет на нас.

Наши пленники, эта семья, то ли журналисты, то ли работники миротворческого союза, а может, просто волонтеры. Им не повезло: когда они ехали на автобусе Красного креста, то попали в засаду.

Зачем они приехали? Они что – новости не смотрят?

Мы заходим в просторную комнату на втором этаже.

Здесь все уже было готово для съемки, кроме камеры.

Странно – где же камера?

– Сходи за камерой, брат, – говорит Аслан и смотрит на меня.

Когда я вернулся, все было уже кончено.

Рыжего мужчину и блондинку поставили к стене и расстреляли.

Мужчине попали в голову, и он сразу погиб.

Женщина закрыла лицо руками, как будто это могло спасти от пули.

Девочка закричала, душераздирающий вопль пронесся по лабиринту и вернулся эхом.

– Заткни девчонку, – рявкнул Аслан. – Они нам не нужны. Свидетели тоже, – и посмотрел на девочку.

Нужно действовать быстро.

– Я сам успокою девчонку, – говорю я.

Навожу на нее, резко дергаю затвор.

Резко поворачиваюсь – я взял их врасплох.

Беглая очередь из «калашникова».

Четыре трупа, как один.

Жизнь боевика научила меня выживать.

Времени мало, я хватаю девочку.

Переступаю через тело у выхода.

Еще недавно его звали Гамзало. И бегу вниз, как только могу.

Она вырывается и визжит, но это наш единственный шанс.

Чувствую укол боли: она меня укусила.

Как ни странно, мне повезло. Гул сирены заглушил все вокруг, началась паника. Налет федеральных сил. Бомбежка. В толпе легче всего спрятаться. Все в панике бегут в подвал, толкают и давят друг друга. Девочка устала биться – тем лучше, я бегу изо всех сил.

Черные крылья несут смерть. Ангел смерти – Азраил – пришел за нами.

Холодный бетонный пол, ледяные стены подвала нашего неказистого бомбоубежища. Но подвал лучше, чем ничего. Есть надежда. Тесно и жарко, почти нечем дышать.

Неприятный запах разрезает воздух – нет, это не пот – это запах страха и смерти, его ничем не сотрешь и ни с чем не перепутаешь.

Люди прижались к друг другу, как в банке. Ничто так не сближает людей, как ненависть одних к другим или страх. И тишина как на кладбище, мы не видим друг друга в полумраке, только чувствуем чье-то плечо или дыхание. Время остановилось. Меч Азраила навис над нами в ожидании. Изредка гробовую тишину нарушают всхлипы и дрожь, мурашки по коже – они поднимаются по спине наверх, и немеют пальцы. Я закрываю девочке рот ладонью, чтобы она не закричала: незачем привлекать внимание. Возможно, прямо сейчас мы все умрем в этом затхлом подвале. Я и эта девочка, и я всего лишь немного продлил ее короткую жизнь.

Грохот разрушает тишину, врывается в пустое пространство яркой вспышкой. Все закрывают глаза. Я чувствую биение маленького сердца рядом с собой. Прощайте. Но нет – миг, еще один, минута одна, вторая. Мы все живы. Свершилось чудо. Бог все-таки есть. Пузатая бомба застряла в потолке, можно потрогать брюхо рукой. Я смеюсь как ненормальный, кто-то плачет. Возглас облегчения и удивления.

Как хочется жить даже в аду, но жить и дышать, как хорошо дышать. Чудо – снаряд не взорвался. Хотя нет, это не было чудом.

Внутри бомбы не было запала, его убрали, а на его месте была записка: «Здравствуйте, меня зовут Сергей, помогу, чем смогу».

Бог все-таки есть, он есть.

Вы думаете, я предал их – но я спас девочку.

А даже если и предал – ну что ж, я такой же убийца и бандит как они.

Но эти люди, которые могли умереть и выжили, они ни в чем не виноваты, они просто заложники города, пленники чистилища.

И эта девочка – ей всего одиннадцать, она должна жить.

Дети не должны умирать, это харам.

Азраил пощадил нас сегодня.

Я беру девочку за руку, и мы спускаемся вниз, в подземный переход, связанный с канализацией. Он проходит под городом и выходит за городом, на окраине. Это самый безопасный выход из возможных. Главное – не заблудиться в паутине ходов и переходов. Джинны, слуги Иблиса, повсюду, и они ищут нас. Я совершил немало плохого, но тебя, дитя, я спасу. Ты осталась одна в чужом мире, в окружении чужих, и, к сожалению, у тебя есть только я. Это как будто зазеркалье, только злое и беспощадное, а кроличья нора оказалась черной дырой, которая тянет все глубже и глубже.

Чернота, и практически ничего не видно, я держу девочку за руку.

Она крепко сжимает мою ладонь, а что – у нее нет выбора.

У нас теперь нет выбора.

Она оступилась и прижалась ко мне, к незнакомцу. Крысы, под ногами снуют крысы, но она и не пикнула.

Я пинаю одну большую крысу носком сапога, и мы идем дальше...

В конце тоннеля мелькает свет: светает, уже утро.

4

Мы вылезаем из старой огромной обрубленной трубы. Труба давно высохла. Мы оба грязные, и от нас воняет, но мы живы.

Горная река шумит по камням. Я лежу, облокотившись о валун.

Немного передохнем и пойдем дальше. Нельзя надолго оставаться, нас могут искать. Девочка сидит на земле, обняв руками колени и пряча лицо.

– Не бойся, все будет хорошо.

Хотя – кого я обманываю – хорошо уже не будет никогда. Ее родителей убили, у нее на глазах, у меня на глазах, я опоздал. Их лица смотрят на меня, и я ничем не лучше тех, кто их убил. Неужели моя совесть не умерла вместе с городом? Я отведу девочку к блокпосту, форпосту «Юг», там ей помогут, там она будет в безопасности. Я неплохой проводник и следопыт, я родился и вырос здесь.

– Ты хочешь есть? – Она кивает, она молчит, она все время молчит.

Я должен спасти ее и вывести из этого ада любой ценой, не важно, что будет со мной, главное – эта девочка. Она моя надежда на лучшую жизнь... Она напоминает мне мою сестренку, Заре сейчас тоже было бы одиннадцать.

– Ты немая? – Она отрицательно вертит головой.

Я взял с собой консервы – все, что успел взять, кроме ножа и автомата АК-47. Вряд ли его создатель мог предугадать последствия – то, что из этого автомата будут убивать его земляков.

Я достаю из-за пазухи банку, беру нож и открываю одним ловким движением – армейским способом – этому меня научил мой сосед, дядя Николай.

– Ешь, девочка, ешь, силы тебе понадобятся. Ты все время молчишь, и я не знаю, как тебя зовут. Я буду звать тебя Зара. Так звали одного хорошего человека.

Дядя Николай попал в наши места, когда служил в армии.

Это было очень давно, задолго до войны, когда великая красная империя еще не рухнула, а ее народы были добрыми соседями. Сегодня все это кажется мифом, выдумкой. Он служил вместе с моим отцом, там они подружились. Их вместе сюда перевели.

Но если мой отец вернулся на родину после скитаний, то для Николая все было новым и неизвестным. Мой отец родился в ссылке и почти ничего не рассказывал о своем детстве. После службы дядя Николай остался здесь, построил дом – ему помог мой отец – и стал нашим соседом. «Места у вас красивые, – говорил он. – Нет плохого народа – есть плохие люди». Я запомнил его слова. Однажды дядя Николай рассказал одну историю. Тогда он только прибыл на место службы. Им с товарищем дали увольнительную, и как раз в это время им нужно было в город. Они стояли у дороги и ловили попутку. Наконец, после двух-трех неудачных попыток, остановился грузовик. Шофер сказал: «Залезайте в кузов», – а там сидели женщины, укрытые с головы до ног тканью, лица закрыты – так принято, а в центре сидел древний почетный старец – с тростью, в папаче, с белой бородой и с кустистыми черными бровями. Он слегка улыбнулся и обнажил два золотых зуба. Казалось, он сошел с картины. Настоящий хрестоматийный горец. Он сидел в центре, на лавке, с достоинством князя. Все сидячие места были заняты. «Мы два здоровых молодых парня – не беда, едем стоя. Неожиданно старый горец встал, ударил тростью по лавке рядом с собой.

Две девушки встали и отошли в угол. Горец кивнул и пригласил нас сесть на освободившиеся места, но мы отказались, и аксакал покачал головой».

Я уснул, закрыл глаза на десять минут. Как долго я нормально не спал, мы все не спали; словно я не спал все четыре года.

Меня разбудил плеск воды. Я вскочил и потянулся к автомату, но его не было. Тревожно осматриваюсь, никого кроме девочки, она стоит у воды и смотрит, как волны омывают камни. Она утопила автомат, подошла бесшумно, как кошка. Она задумчиво глядит на меня своими большими голубыми глазами. – Ты права, оружие – это плохо. – Она кивнула. Все равно магазин был пуст.

Стоянка окончена. Здесь где-то есть плот. Пустим его по течению, он будет на виду, а сами пойдем вброд на другой берег и пойдем вдоль реки. Так мы выиграем время. Река мелкая, но течение бурное и сильное. Я осторожно ступаю по скользким и гладким камням. Девочка у меня за спиной, как рюкзак.

Я помогаю себе палкой, волны слегка сносят меня в сторону.

– Не бойся, мы уже близко.

Поздним вечером мы добрались до зеленого луга. Звезды уже видны, много звезд. Моя маленькая спутница спит, я несу ее.

Вдали виднеется какой-то дом. Надо подойти поближе и проверить.

– Проснись. – Она зевает и открывает уставшие глаза. – Потерпи, скоро нормально выступишься.

Я беру ее за руку.

– Делай, как я.

Мы крадемся в ночи как воры.

– Подожди здесь и никуда не уходи, пока я не вернусь. – Она кивает. Умная девочка.

Я осторожно лезу через окно, оно выбито. Мы нежданные гости, нечего сразу лезть через дверь. Вот большая комната, наверное, гостиная – хороший дом, но брошенный.

– Кто это? – слышу хриплый голос из темноты. Включается свет.

На полу, у стола, лежит человек, мужчина лет сорока.

На меня пристально смотрит смуглое, скуластое лицо.

– Я задал вопрос. Кто ты? – У него в кулаке граната.

– Я просто гость, бродяга, который зашел на огонек.

– Я тебя не приглашал.

– Спокойно, я безоружен. – Поднимаю руки, показываю, что у меня ничего нет.

– Принеси воды. – Он кашляет. – Там, на кухне. Ты один?

Я решил не врать:

– Нет, нас двое: я и сестра. Мы беженцы.

Незнакомец убрал гранату в карман.

– На вора ты не похож, на труса тоже.

– Зара, – зову я, – выходи. – Девочка подбежала ко мне и обняла.

– Это твоя рабыня, – смуглый покосился на ее светлые волосы.

– Нет, это моя сестра.

– Не бойтесь, не стоит опасаться калеку. – Он улыбнулся. – Мои братья бросили меня.

Оставили меня умирать. У меня сломан позвоночник, я все равно что мертв. Там, в столе, пистолет и еще кое-что. Пистолет можешь оставить себе. Это подарок гостю. – В ящике стола действительно лежал пистолет и белый пакетик. – Дай мне его, – он потянулся к пакету.

– Только эта дрянь может заглушить боль. Белая пыль. Мы раньше не встречались? Ты мне кого-то напоминаешь. Мансура – но этого не может быть.

– Он был моим братом.

– Помоги мне, брат, убей меня.
– Ты мне не брат, моя мать тебя не рожала.
– Ладно, кто ты – русский, хири, полукровка?
– Я мужчина, – ответил я.
– Если бы я мог встать, я бы убил вас с девчонкой. – Он расхохотался. – Я знаю кто ты – ты брат Мансура. Я наемник, это я убил его. Выстрелил в спину во время боя. Я убил его из ревности: он украл мою невесту. Девушку, которую обещали мне. Убей меня.

Я навел пистолет.

– Закрой глаза. – Девочка послушно закрывает глаза и уши.

Вдох, выдох.

– Прости меня, – хрипит наемник через боль, он весь дрожит и потеет как в лихорадке.

– Бог простит.

Я опускаю пистолет, беру девочку за руку и ухожу. За спиной через минуту раздается небольшой взрыв. Граната все-таки взорвалась.

Утром в сарае я нашел пленника в кандалах. Совсем еще мальчишка.

– Не бейте меня, хозяин, – выпалил он.

– У тебя нет хозяина, ты сам себе хозяин. Ты кто?

Юнец был сильно истощен, еле говорил и стоял.

– Рядовой Иваненко, – почти шепотом выдавил он из себя.

Рядовой Иваненко качнулся и рухнул, но я успел его подхватить.

Он тяжело дышал. Я не знал, кто он, но он умер у меня на руках.

Кожа да кости, похоже, хозяин дома не кормил его.

Нужно его похоронить. В том же сарае я нашел лопату.

Я не знал, кто он и откуда. Он для меня никто, но тело нужно предать земле. Я взял лопату и пошел на задний двор.

Потом собрал несколько камней и соорудил маленький курган.

Девочка помогала мне, подтаскивала маленькие камни.

Она посмотрела мне в глаза и протянула руку.

Маленький кулак открылся, в нем был крестик на золотой цепочке.

Я встал на корточки наравне с ней и мягко закрыл ее ладонь.

– Лучше оставь крестик себе. Береги его. А ему уже не поможешь. Пусть крестик хранит тебя.

Мы переночевали в доме. Ей нужно хотя бы немного выспаться. А я постерегу ее сон.

Значит, Мансур, украл чужую невесту. Девушку, которую обещали наемнику.

– Отец, а правда, что ты украл маму, когда был молодой?

Отец улыбнулся:

– Нет, она врет. Она сама со мной сбежала.

Это было два года назад. К нам в плен попал капитан Егоров.

Он отказался принять ислам, и по законам Новой Республики его приговорили к смерти. Судьи и палачи в одном лице. Привести приговор в исполнение выпало мне. Я уже убивал людей, но в бою, а не безоружных. Я не был палачом. Мы с Гамзало ведем жертву в лес. Капитан Егоров не показывает страха. Он готов умереть.

На полпути я отпускаю Гамзало. Этот молчаливый здоровяк всегда меня слушал. Однажды я спас ему жизнь: вынес раненого из боя на своих плечах. Черная ирония – я его спас, я же его и убил.

– Стоять, – команду я.

Капитан Егоров разворачивается и смотрит прямо на меня.

Я два раза стреляю в воздух.

– Уходи, ты свободен. Уходи и никогда не возвращайся.

– Почему ты меня не убил? – Он крайне удивлен.

– Я не убиваю безоружных.

Капитан Егоров исчезает в лесной ночи.

5

Прошли примерно сутки, как мы покинули башню – наше убежище, временный дом. Но казалось, что прошла вечность. Время перестало иметь значение. Моя маленькая спутница не отставала, не жаловалась, не показывала усталости. Она не сдавалась и шла со мной наравне, попевала за мной. Маленькая девочка, застрявшая в чужом мире. Сильная девочка. Мы были уже близки к цели. Надо выйти к дороге, а там и до блокпоста уже рукой подать.

Надо поймать машину, они нечасто, но ходят здесь. Жизнь продолжается. Думаю, нам повезет, и это лучше, чем пешком.

На дорогах часто случаются обвалы – в этих местах это обычное дело, и люди уже привыкли. Надо поймать машину наверняка.

Я беру несколько камней и строю искусственный обвал.

Девочка повторяет за мной.

– Нет, этот слишком тяжелый, я сам.

Когда дело было сделано, оставалось только ждать в кустах на другой стороне дороги и надеяться на то, что кто-то проедет. Все действие напоминало охоту или рыбалку. Я держал наготове пистолет. Девочка, как и я, всматривалась в дорогу, на асфальт. Спустя примерно сорок минут на горизонте показался старый джип. Он притормозил у завала.

– Ну все, пора. Сиди тихо и не выходи, пока не скажу. – Девочка кивнула. – Надеюсь, ты когда-нибудь заговоришь.

Пожилой мужчина довольно ловко разбирал камни, и горка, которую мы поставили, быстро таяла.

– Эй, руки вверх, медленно, без резких движений, – сказал я.

Хозяин джипа заморгал и поднял руки.

– Не стреляй, парень, у меня есть деньги.

– Твои деньги мне не нужны. Подвези нас, добрый человек.

Я свистнул, из кустов вышла моя маленькая спутница.

Скоро мы уже ехали в джипе. Варлам – так звали нашего водителя – как оказалось, приехал за сыном. Варлам был пастухом, крупным фермером, он продал все стадо, собрал деньги и приехал. Год назад его сына похитили. Потом связались с ним, назначили сумму. Он собрал выкуп и приехал. Такое часто бывало здесь, так зарабатывали на этой войне. В горах пропадали родственники, а потом их выкупали – живыми или мертвыми. Нет меньшего или большего зла – зло всегда зло.

– Наш отец тоже работал пастухом, – разговорился я, нужно было с кем-то поговорить.

– Похоже, твоя маленькая сестра уснула. – Девочка спала на заднем сидении. – Я думаю, это судьба – это все не просто так. Вы, ребята, потеряли родителей. Я потерял сына. Мы должны были встретиться, – сказал Варлам. – Я высажу вас вот здесь, неподалеку. Дальше прямо, и до блокпоста рукой подать. Удачи вам, ребята.

– Спасибо тебе, добрый человек. Желаю Вам найти сына. – Мы с Варламом жмем друг другу руки.

– В мире больше добрых людей, чем ты думаешь, девочка.

Джип пропадает в пыли...

– Товарищ сержант, поглядите.

– Ну, что случилось, Белов?

Сержант взял бинокль.

– Видите, идут прямо на нас черт бородатый и ребенок, девчонка вроде? Наверняка, снова какая-та уловка, мать их.

– Стреляй, Белов.

– Есть, товарищ сержант, опять смертник какой-нибудь. Как они уже задолбали. – Рядовой Белов снял винтовку с предохранителя, взвел курок и впечатался в оптический прицел.

– Ну, чего-то ждешь, Белов? Пока нас не взорвали что ли? Стреляй на хрен, ты снайпер или кто?

– Есть, товарищ сержант.

Мы идем, приближаемся к цели. Мы уже близко. Осталось совсем немного, еще чуть-чуть. Я держу ее за руку.

– Еще чуть-чуть, и ты будешь в безопасности, там тебе помогут.

Выстрел разрезал тишину, свист ветра.

– Ложись! – кричу я, девочка падает на землю. – Не поднимай голову. – Хорошо. Поднимаю руки. Снова выстрел. – Не стреляйте, черт!

Я накрываю девочку собой. Тишина. Что-то не так, она не двигается, не шевелится. Нет, все не может кончиться вот так! Меня охватывает животный страх. Снова пустота внутри, она подступает к горлу и душит. Кровь.

– Дыши! Дыши! Жить, ты должна жить! – я трясую девочку как тряпичную куклу. Я хватаюсь за пистолет.

– Вы убили ее!

Зверь проснулся и готов убивать, рвать на части. Нет, она открывает глаза.

– Ты ранена? Где болит? – Девочка отрицательно вертит головой.

Это не ее кровь. Слава Аллаху. Я пытаюсь вспомнить молитву, но не могу. Нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммеда, пророка его.... К нам бегут солдаты, девочка прячется за меня. Я выбрасываю пистолет, складываю руки за головой.

Удар. Резкая боль в голове. Как будто в колокол бьют, я падаю.

Еще удар, и еще один. Рефлекторно закрываю голову руками.

Ну что ж – мужчина умирает, девочка остается жить – честный обмен.

Но вряд ли меня ждут райские сады и прекрасные девы гурии.

Кругом кирзовые сапоги. Все как в тумане, я теряю сознание.

Как будто тону в ледяной воде. Маленькая девочка бросается на солдат. Бьет их своими маленькими кулаками, пытается укусить.

Размахивает руками, пытается отогнать их от меня. Бесполезно.

– Не бейте его, не надо! – кричит детский голос.

Она заговорила. Кажется, это мои слезы счастья, но нет – просто идет дождь. Девочка бросается ко мне, пытается заслонить собой. Укрыть от угрозы. Маленький смелый волчонок.

– Уберите ребенка. – Девочка сопротивляется изо всех сил. Она вцепилась в меня мертвой хваткой.

– Пожалуйста, не умирай! – кричит она словно из-под воды. Как будто хочет достучаться...

- Хватит, отставить! Сержант Журавель!
 - Да, товарищ майор.
 - Берите их обоих и на базу. А этого ко мне в кабинет. Кажется, я его знаю.
 - Так точно, товарищ майор.
- Кажется, меня взяли под руки и потащили. А потом темнота.

Когда я очнулся, то сидел на стуле в светлой малой комнате.

Руки в наручниках за спиной.

- Что с девочкой, где она?
 - С ней все в порядке. Но она в шоке, молчит и отказывается есть.
 - Капитан Егоров.
 - Ты меня помнишь хорошо.
 - Но я уже давно майор Егоров.
 - Ну, рассказывай – куда шли, что за девочка?
- И я все ему рассказал – от «а» до «я».
- А эта девочка – кто она тебе? – Майор Егоров ходил из угла в угол.
 - Я уже говорил – она моя сестра.
 - Родная?
 - Роднее не бывает. Она сирота, кроме меня здесь у нее никого нет.
 - Почему ты меня не убил тогда? У вас убить неверного – это подвиг, разве нет?
 - Бог один, но мы называем его по-разному.
- Снова острая боль. Я проседаю, как будто проваливаюсь...
- Дежурный, помогите ему.
 - Есть, товарищ майор.
 - Нет, ты не умрешь, Абрек, не сегодня.

Круг замкнулся. Странно, у меня сегодня день рождения – мне исполнилось девятнадцать лет.

Я лежал в госпитале, плечо и рука страшно болели, но это ерунда.

Когда я приду в себя, меня ждет суд и тюрьма, но мне все равно – неважно, что со мной будет, главное, что она жива, девочка моя, сестренка жива. Ко мне заходил майор Егоров, говорят, что я могу получить амнистию, но это неважно. Майор Егоров передал мне крестик от нее.

Я закрываю глаза, сжимаю маленький крестик на тонкой цепочке в кулаке и думаю о девочке, которая мне его подарила. Где она сейчас? Майор Егоров сказал, что ее забрали родственники за границу, ей там будет хорошо. Она не будет ни в чем нуждаться. Там все есть, и нет войны.

Я закрываю глаза и проваливаюсь в черную дыру.

Я лечу, лечу и никак не могу достать дна...

А потом только пустота, тишина и покой.

Мне как будто снится сон. Я дома, наш дом цел, и все живы.

Я вернулся в детство, я сижу за столом и делаю уроки.

Ко мне подбегает маленькая Зара, моя сестренка.

- Кем ты хочешь стать, брат?
- Я хочу стать орлом и парить в облаках.

- Но это невозможно.
– А ты кем хочешь быть, стрекоза?
– Я хочу стать джигитом.
И мы оба смеемся...
Потом я стою во дворе, рядом стоит отец.
– Что ты скажешь Всевышнему, когда предстанешь перед ним?
– Я жил, как умел, и сделал все, что мог. Прости меня.
Я снова в своей комнате.
Заходит мама:
– Спи, сынок, спи, ты устал.
Я сплю, я крепко сплю...

- Кто это был, Фрэнк? Кажется, я ее где-то видел.
– Да ты, наверняка, видел ее по телевизору или читал о ней в таблоидах. Это Анна Мирен – знаменитая писательница. Десять лет назад она оказалась в центре опасных и трагических событий, по сути – в центре гражданской войны. Непонятно, как она выжила. Девочка одиннадцати лет.
Ее родителей убили, она осталась одна, но ее спас один человек.
Кажется, он был из местных. Она заплатила мне, чтобы я его нашел.
Причем немалую сумму, но, увы, тот человек либо погиб, либо пропал без вести. Прошло ведь одиннадцать лет. И все события произошли в чужой стране, а там у меня мало доступных каналов и мало связей. Кроме того, у нее было слишком мало информации, по сути, только имя – Адам.
– Да, Фрэнк, я читал ее книгу. Она опубликовала свой дневник. А известное издательство дало книге имя “Побег из города теней”.
– На мой вкус, весьма претенциозное название.
– Ты думаешь, это все правда?
– Я ужасно долго работаю частным детективом, Шон. И в людях разбираюсь, и знаю, когда они лгут. Эта девушка много пережила. Много повидала, хотя ей всего двадцать один год.
– Ты читал книгу, Фрэнк?

Фрэнк Миллер вернулся поздно в офис.
Как обычно сел за свой старый рабочий стол.
Открыл маленький ящик и достал небольшую книгу.
Надел очки, он был уже немолод. Фрэнк решил снова перечитать финал книги. Фрэнк прочел первую фразу: «Прошло десять лет...»

Я сидел и ждал в маленьком уютном кафе на улице.
Мне назначили встречу по телефону.
Мне звонила то ли журналистка, то ли писательница.
Кстати, она опаздывала на пятнадцать минут.

- И я уже собирался уходить, но она появилась в последний момент.
- Здравствуйте, это я Вам звонила. Простите за опоздание – пробки.
 - Женщины всегда опаздывают.
 - Но только не я. – Жмет мне руку. – А Вас зовут...
 - Мое имя...
 - Адам – я знаю...
 - Так Вы наводили справки?
- Я смотрю на визитку – Анна Мирен.
- Анна Миронова, если быть точной. У меня русские корни.
 - У Вас красивое имя.
 - А главное – редкое, – она хмыкнула.
 - Нет, у Вас действительно хорошее имя. Анна значит «благодать».
 - Давайте проведем маленький блиц-опрос. – Она улыбнулась, на щеках появились милые детские ямочки. – Вы отвечаете, и я отвечаю. Согласны? – Она положила ногу на ногу.
 - Хорошо.
 - Сколько Вам лет?
 - Двадцать девять.
 - Мне двадцать один.
 - Вы женаты?
 - Это обязательно?
 - Ну же, мы просто играем.
 - Нет, я один.
 - Отлично, мы закончили.
- Передо мной сидела стройная блондинка с голубыми глазами. Она рассматривала меня, изучала, и я это заметил. Наши глаза встретились, она слегка покраснела. Девушка, способная покраснеть, – редкость в наши дни.
- Что-нибудь будете пить? – она повернулась к официанту.
- Аккуратный прелестный курносый нос.
- Нет, я не пью.
 - Тем лучше, я тоже. Тогда воды без газа, пожалуйста.
- Официант уходит.
- Что Вы хотите от меня?
 - Десять лет назад Вы спасли девочку.
 - Как Вы узнали? В любом случае, это Вас не касается. Я не даю интервью.
 - Стой, Адам, это я, я была той девочкой.
- Я не могу поверить, но те же глубокие голубые глаза, курносый нос, светлые волосы. Это она. Это действительно она.
- Ты похорошела, изменилась.
 - Я просто выросла.
 - Я очень рад за тебя, но мне пора. – Я, наконец, прервал молчание.
 - Стой, не уходи, я выжила благодаря тебе, ты спас меня. Я должна тебе сказать, – она сильно волновалась, голос ломался.
 - Ты мне ничего не должна, это был мой выбор.
 - Я так долго искала тебя. Я тебя люблю.
- Я уже хотел уйти, но тут сел на место. Упал на стул.
- Снова молчание.
- Ты не должна меня любить, просто скажи «спасибо» и уходи.
 - Это неправда, – выпалила она, – я знаю, что ты тоже меня любишь. Ты спас меня.

– Нет, – я оборвал ее, – это не любовь, просто чувство вины. И я тебя не спасал, просто помог, но ты помогла мне больше. Ты спасла меня от самого себя. – Комок застрял у меня в горле, стало тесно в груди. – Я должен тебе кое-что вернуть. – У меня на ладони блестел маленький крестик на цепочке.

У нее на глаза навернулись слезы, но она сдержалась.

Она взяла меня за руку.

– Ты боишься меня?

– Да, очень боюсь. Тогда не боялся, а сейчас боюсь.

Я заглянул в ее голубые глаза. Голубые, как море, как небо, и обрел покой.

Побочный эффект

Сеанс № 1

Просторная, светлая комната с белыми стенами, даже кожаный диван – и тот белый, как снег. Диван предназначен для клиентов и посетителей. Перед диваном – прозрачный фигурный стол, напоминающий гитару, но он темного цвета, из крепкого дерева.

Дверь, как ни странно, тоже прозрачная, на ней аккуратная табличка: «Доктор Арно Берховиц». Специалист по психоанализу, патологиям и неврозам, если проще – мозгоправ. Я бы никогда в жизни не пришел в подобное заведение, но я не спал уже три месяца, вернее, нормально не спал, по-человечески. У меня бессонница, и кроме того все очень хвалили эту клинику, хотя она и жутко дорогая – вот откуда дизайнерский, модный интерьер. А доктор Берховиц – специалист с мировым именем, если верить справкам. Кстати, о справках – я разглядываю потолок: он тоже белый и похож на молоко.

– Как Вам тут, у нас? – сказал человек, похожий на Санта-Клауса. Белая борода, слишком белая, здесь все белое...

– Ничего, но много белого, Вы сами не устаете?

– Знаете, как я говорю – у каждого свои особенности. Вот я, например, помешан на белом цвете, – Санта-Клаус улыбнулся.

Это доктор Берховиц – мой врач. Белая борода, белый халат. Куда я попал?

– Давайте потихоньку начнем, – доктор скрестил пальцы. – Ответьте на несколько вопросов – это нетрудно, – он опять улыбнулся. – Как Вас зовут? – док взял анкету.

– Маркус, Маркус Хант.

– Сколько Вам лет? – Очки Берховица блеснули.

– Мне тридцать, – отвечаю я, и меня уже тянет зевать.

– Чем Вы занимаетесь?

– Прохожу обследование в Вашей клинике.

– Да, да, но чем Вы занимались до этого?

– Я адвокат.

– Что Вас беспокоит?

– Бессонница, доктор.

– Что ж, мы закончили на сегодня. Можете идти домой.

– Точнее, в гостиницу. Я специально приехал, чтобы избавиться от чертовой бессонницы.

– Смотрю на портрет над креслом. – Это Фрейд.

– О да, Вы правы – это Зигмунд Фрейд собственной персоной.

– Он ваш кумир, док?

– Нет, он мой учитель.

Сеанс № 2

- Как Вы сегодня себя чувствуете? – спросил доктор с белой бородой. – Как Вы спали?
- Никак, и Вы это прекрасно знаете. Ночью я просто лежал на кровати и глядел в потолок.
- А когда началось? – поинтересовался доктор.
- Три-четыре месяца назад, и с каждым днем все хуже.
- Вы не спите вовсе или... – протянул Берховиц.
- Нет, когда я пытаюсь уснуть, меня мучают кошмары, не смейтесь только.
- А я и не смеюсь, – Берховиц впился в меня взглядом.
- Все мы иногда плохо спим, – отмахнулся я.
- Тогда почему Вы здесь? – возразил доктор. – Три-четыре месяца без здорового сна – это ненормально. Увы, Маркус, это не просто бессонница. Расскажите, что Вам снилось, а я постараюсь Вам помочь, – снова улыбка Санта Клауса. – Мне, например, ничего не снится, точнее, я не помню.
- Завидую Вам, доктор, – ответил я.
- Здесь, в этом кабинете, даже пол белый, как лед...

Мне снится, что я иду по гладкой белой поверхности во мраке. Я ничего не вижу. Только слышу скрип под ногами. Скрип постепенно становится все громче с каждым шагом. Я не вижу, куда иду, все как будто в пелене или в тумане. Жутко холодно, до дрожи. Потом резкий хруст внизу, и я проваливаюсь, падаю в темень.

Мрак поглощает меня. Кажется, что я тону в ледяной воде. Я барахтаюсь, размахиваю руками, отталкиваюсь ногами, но тщетно.

Я все глубже проваливаюсь. Хочу закричать, позвать на помощь, но не могу. Мой рот застывает в немом крике. Надо мной дымка света, но она очень мала и тает с каждой секундой, как уголек. А потом все – я захлебываюсь и растворяюсь во тьме. Я пытаюсь выбраться из последних сил, делаю рывок наверх, но упираюсь как будто в стену и тону. А потом просыпаюсь в холодном поту и не могу уснуть.

- Вы упомянули немой крик, – Берховиц задумался.
- Да, а что?
- Ничего, просто есть знаменитая картина – «Крик».
- Сны – это просто сны, верно, док?
- Как сказать... Что более реально – сны или действительность? Зависит от того, во что Вы верите, – задумчиво протянул психотерапевт.
- Это Фрейд? – предположил я.
- Нет, это я. Вы читали мою книгу, Маркус?
- Нет, не читал.
- Хорошо, на сегодня мы закончили, – доктор вздохнул.

Сеанс № 3

– Будете кофе? – предложил доктор. – Знаете, я жить не могу без кофе. Можно сказать, что я даже несколько помешан на кофе, – снова улыбка доброго старика.

– Я не пью кофе, – ответил я. – Давайте сразу к делу, док.

– Сегодня мы поговорим о Вашей семье, Маркус, о Вашем детстве. Вы сказали, что Вы адвокат. Вы довольны своей профессией?

– Не очень.

– Почему? – медленно потянул доктор.

– Закон и справедливость – разные вещи, док. Зачастую исход дела решают деньги и связи. Фемида действительно слепа, – я кисло улыбнулся.

– Вам приходилось защищать убийц, негодяев, злодеев? – доктор и его очки впились в меня, как в мишень.

– Да, бывало, – ответил я и помрачнел больше обычного.

– Но сегодня мы поговорим о другом, – Берховиц положил руки на живот и откинулся в кресле.

– Кто были Ваши родители, Маркус? Отец? Мать? Где вы жили? Расслабьтесь и отвечайте.

Мы жили в маленьком, уютном, но престижном пригороде. В Бригстоуне. Мы недавно туда переехали. Отец купил большой, старый, но хороший дом. Мы часто переезжали, отец был военным.

А мать – учительницей. Она учила детей музыке – игре на пианино, у нас в гостиной стояло пианино. Мама хотела, чтобы я научился играть на этой штуке, и даже нашла мне репетитора, потому что сама была занята. Но у меня были кривые и неуклюжие пальцы для пианиста. Моего отца звали майор Артур Хант, а мать звали Лана.

Отец постоянно был на службе. Мать занималась своими учениками. Готовила их к фестивалям и конкурсам. Очень гордилась ими. Так что я оставался с няней, ее звали Маргарет, но я называл ее просто Маргари. – Вы любили свою няню? – Да, а она меня. Она была ласковой и доброй. – В отличие от родителей... – глаза доктора сузились.

– Хотите меня поймать, док?

– Хорошо, Маркус, продолжим.

– Вы чего-то боялись в детстве?

– Да, как и все.

Доктор заглянул в анкету.

– Итак, Вы боялись воды и собак. Расскажите об этом, Маркус.

– Вам нравится копаться в моем прошлом, док?

– Я просто делаю свою работу. Вы один из моих лучших клиентов, Маркус. Я хочу Вам помочь.

Я боялся не воды, я боялся утонуть. Меня нельзя было затащить в воду ни под каким предлогом. Поэтому отец однажды просто затащил меня в воду. Мы тогда отдыхали на пляже всей семьей.

И, как ни странно, я не утонул, а наоборот – поплыл, правда, по-собачьи. Чтобы побороть страх, надо встретиться с ним. С тех пор я уже не боялся воды и даже сам научился плавать. А собак я никогда не боялся, просто было два случая. Первый. Когда я был маленьким, моя няня была занята на кухне, и я вышел погулять во дворе. Странно, не помню, как, но я наткнулся на большую черную собаку. Это была овчарка. Тогда она мне показалась огромным черным зверем. Я испугался и побежал, овчарка за мной. Животные чувят страх. К моему ужасу, она меня догнала. Я остановился, буквально оцепенел от страха, но она тоже остановилась. К счастью, у меня за спиной была дверь, и я быстро прошмыгнул внутрь. Что сказать, я тогда был ребенком. И второй. Это случилось уже тогда, когда я вырос и был уже подростком. Тогда мою соседку укусила собака. Моя соседка просто проходила мимо, а хозяин выгуливал своего пса. Но бульдог без причины цапнул ее за бедро. Потом ей пришлось долго лечиться, кучу уколов в живот сделать от бешенства, на всякий случай. Вот и все. – Как Вы учились в школе, Маркус?

– Я был середняком, не лучше и не хуже других.

– Но был период, когда Вы были на индивидуальном обучении.

– Да, но я в тот год сильно заболел. Воспаление легких. Родителям пришлось выбрать эту форму обучения. С детства не отличался здоровьем, много болел.

– Не беда, я тоже, – Берховиц лукаво улыбнулся.

– А Ваши отношения с одноклассниками?

– Они не были гладкими. Моя семья часто переезжала, и я регулярно менял школу.

Поэтому нигде особенно не приживался. Вечно новенький. Вы довольны, доктор?

– Сегодня вполне, до встречи, Маркус.

– Подождите, – я уже открывал прозрачную дверь.

– Что еще, док?

– У вас есть братья или сестры?

– Нет, док, я единственный ребенок в семье. Так что Ваша теория о недолюбленных детях провалилась. Меня скорее перелюбили.

Сеанс № 4

- Как Ваши дела, Маркус?
- Вам лучше знать, доктор.
- Сегодня, Маркус, мы попробуем мое ноу-хау. Шоковая терапия. Я введу Вас в состояние сна и, наконец, выясним корень Ваших проблем. – Берховиц протягивает мне красную пилюлю и стакан воды. – Не волнуйтесь, Вы не отравитесь, – снова улыбка доброго Санты.
- Я уже принимал и антидепрессанты, и снотворное. Но мне ничего не помогало, а становилось только хуже. После снотворного я не спал, а просто лежал как труп.
- Нет, это не снотворное, Маркус. Это моя разработка. Знаете ли, я в некотором смысле химик, фармацевт и немного изобретатель. Я назвал этот препарат «Морфеум».
- Морфеум – забавно, – но я не смеялся.
- Да, Морфеум от слова «Морфей» – древнегреческий бог сна и сновидений, – просветил меня Берховиц.

Я провалился в сон. Неужели впервые за полгода? Или мне это снится? Я снова иду во мраке. Под ногами лишь скрип и хруст. Понемногу тьма рассеивается передо мной. Это что-то новое. Раньше такого никогда не было. Я слышу голос как будто издалека.

Он меня зовет, он все ближе и ближе... Девушка, молодая девушка, берет меня за руку и ведет как ребенка. Да, я и есть ребенок – мне одиннадцать лет. Мы на озере зимой. Вода покрылась слоем льда и напоминает зеркало или хрусталь. Хрупкое зеркало. Очень холодно, и погода портится, дует ветер. Я стою на коньках посреди огромного замершего озера. Но кто эта девушка? Почему я не могу вспомнить, кто она? Кто она мне? Откуда я ее знаю, откуда она знает меня?

– Пошли, братик, нам пора, – говорит нежный девичий голос. Она держит меня за руку. Мы оба на коньках. Это Мона! Мона – моя старшая сестра. Но у меня нет сестры. Как я мог забыть ее? Лед трещит все сильнее. Я боюсь. Опора уходит из-под ног. Все трясется и дрожит. Громкий треск, как будто железом по стеклу. Лед треснул прямо перед нами. Мона оттолкнула меня в последний момент и исчезла под водой. Я дрожу и весь в слезах. Я один посреди ледяной пустыни...

Мона мертва. Моя сестра утонула, ее поглотила черная вода. А я ничего не сделал, чтобы спасти ее. Я не мог ничего сделать – мне одиннадцать, я просто маленький мальчик, один в центре ледяного озера. Меня нашли спустя пару часов. Плынья замерзла, и Мона пропала подо льдом навсегда. Прости меня, Мона. Ты спасла меня, а тебя нет. Я вспомнил, я все вспомнил. Это не сон. Мы той зимой отдыхали в горах. Это был знаменитый зимний курорт Айс-Ленд. Были зимние каникулы, и мы отдыхали все вместе. Мы с сестрой тайком убежали на озеро, хотя родители запрещали нам. Мона обожала кататься на коньках.

– Вот и все, Маркус. Терапия окончена. Это не сон и не кошмар – это подавленные воспоминания, – доктор был полон оптимизма. – Вот истинная причина Вашей бессонницы.

Я хочу проснуться, но не могу. Белое пятно закрылось передо мной. И место в этом окне занял другой.

- Bravo, доктор, Вы докопались до сути, – незнакомый чужой голос.
- Маркус, что с Вами? Это шок, не волнуйтесь, такое бывает. Скоро пройдет.
- Нет, доктор, это не шок – это я.
- Кто Вы? Внешность та же. Маркус – мой пациент, но это не он, голос с металлическим оттенком.

– Bravo, док! Я не Маркус. Маркус спит. Маркуса нет, есть только я. Считайте, что я побочный эффект вашей терапии. Меня зовут Кан. У нас с Маркусом одно тело на двоих. Можно сказать, что мы как братья. Нет, не смотрите так, доктор, не огорчайте меня. Это не шизофрения. Маркус с детства был слаб и одинок. Наша сестра погибла, но он был слаб, чтобы спасти ее. После трагедии родители этого не вынесли и развелись. Маркус замкнулся в себе. Его отправили в интернат. Как сказали бы Вы, доктор, его мучило чувство вины. Он остался совсем один, и появился я. Я стал его единственным другом, его братом. Он назвал меня Кан, но забыл об этом. Помните, Маркус Вам рассказывал про собаку и соседку. Я все слышал. Потом собаку нашли мертвой. Это я ее убил. Она укусила Мону, нашу сестру. Но Маркус тоже забыл об этом. После чего хозяин псины переехал, переехал навсегда. Я об этом позаботился. Собаки похожи на своих хозяев. Но теперь, доктор, Вы знаете нашу маленькую тайну. Вы знаете, что я существую, и мне не нужны свидетели. Считайте, что это сон, но Вы уже не проснетесь. Прощайте, доктор, – чужак встал с дивана, выпрямился.

– Я буду кричать, – провозгласил психотерапевт.

– Кричите сколько угодно, – холодно ответил незнакомец. – Вас никто не услышит: сегодня воскресенье. В клинике, кроме нас двоих, никого. Зря Вы взяли сверхурочный сеанс, док. Алчность Вас погубит.

– Ради Бога, Вы сошли с ума! – сорвался на крик Берховиц.

– Ради Бога... Но Вы же ученый – Бога здесь нет, есть только я. И разве я сошел с ума?

Миром правят безумцы, доктор.

– Пожалуйста, не надо, у меня семья, дети, – молил доктор.

– Смешно: Вы знаете мою тайну, а я – Вашу. Вы видите детей только по праздникам. Вы воскресный папа. Кроме того, Ваша жена давно ушла от Вас, потому что застукала Вас с пациенткой, которую Вы, пользуясь положением, склонили к порочной связи. Она была моложе Вас на тридцать лет. И главное – это Вы были психотерапевтом у родителей Маркуса, и они развелись. Но, видимо, у Вас тоже проблемы с памятью. Вы виновны по всем пунктам, док. Закон и справедливость – разные вещи. – Незнакомец решительными шагами зашел Берховицу за спину. Он чувствовал животный страх жертвы.

Он пытался вырваться, но тщетно. Чужак обладал нечеловеческой силой.

– Кстати, доктор, почему у Вас здесь все белое? Может, Вы скрытый расист, – и оскалится. Кан одним резким движением свернул доктору шею. А потом повернулся к зеркалу и увидел в отражении Маркуса.

Мы совсем не похожи, хоть у нас и одно тело. На лице появились дикие черты и хищное выражение. Не надо было оглядываться в прошлое, Маркус. Орфей оглянулся и остался в аду.

Девять жизней

1

Эта странная встреча произошла на кладбище в городе N. ранним утром, когда прохлада и свежесть все еще наполняли воздух, а в городе все еще спали невинным сном праведника. На окраине кладбища среди самых заброшенных и неухоженных могил, возле безымянного надгробия стоял человек в черном.

– Здравствуй, Марв, – произнес незнакомец, не оборачиваясь.

– Как, откуда Вы узнали? – Я был очень удивлен, как он узнал мое имя?

– Тебя ведь так зовут? – продолжил незнакомец. – Я прав? – Да, но как Вы угадали? – Я не гадаю, я знаю. – А, это фокус? – предположил я.

– Фокус? Возможно, – незнакомец резко повернулся.

– А как Вас зовут? – поинтересовался я. – Вы мое имя знаете, а я Ваше нет.

– Невежливо, верно, – заметил он. – Меня все знакомые зовут Бесаргин. Но ты можешь звать меня просто Бес.

– Я Вас не знаю, кто Вы вообще такой?

– Зато я знаю, кто ты, – холодно ответил он. – Ты работаешь на кладбище помощником гробовщика, но мечтаешь стать писателем и в тоже время боишься, что тебе не хватит опыта и знаний. В детстве ты боялся воды, боялся утонуть, пока сам не научился плавать.

– Откуда Вы все это знаете? – опешил я. – А, Вы расспрашивали моего дядю?

– Нет, я просто читаю мысли.

Я хмыкнул: «Ну, конечно. Сумасшедший какой-то. Кого только на кладбище не встретишь».

– А сейчас ты думаешь, что я сумасшедший.

– Догадаться нетрудно.

– Не веришь? Ладно, продолжим. Ты сирота, твои родители погибли. Отец пропал на войне, а мать сгорела от страшной болезни, которая никого не щадит. Ты называешь гробовщика дядей, но он тебе неродной, он просто приютил тебя. Хотя все в городе думают, что ты его племянник. И еще тебе нравится – нет, не так – ты влюблен в одну девушку, ее зовут Майя, и ты об этом никому не рассказывал, даже ей. Продолжать?

Но тут я был шокирован. Я проиграл: о Майе я действительно никогда и никому не говорил. Я посмотрел незнакомцу в глаза.

– Хорошо, допустим, я Вам верю. Что дальше?

– Ты сможешь мне, а тебе, – ответил мужчина в черном плаще. – Ты хочешь стать писателем, верно? Я дам тебе материал. Это моя история, а ты станешь моим проводником в вашем прелестном городке. Помощник гробовщика хочет стать писателем – забавно. Согласен?

Он протянул мне руку. Я ее пожал. На меня, вы не поверите, глядели желтые янтарные глаза цвета меда, как у зверя.

– Вы посетили эту могилу, она у нас самая заброшенная. На нее никто не ходит. Почему?

– Хороший вопрос. Потому что это моя могила, – ответил желтоглазый. – И зови меня просто Бес.

– Как это – Ваша могила? Совсем запутался. Но Вы же живы.

– Смерть – это тоже роскошь, мальчик, доступная не всем. Говорят, у кошек девять жизней, но я прожил намного больше.

Из кустов около надгробия вылез кот и фыркнул на моего собеседника.

– Ты видишь меня насквозь, – обратился Бес к коту.

2

– Как называется это кафе? – спросил Бесаргин, подбирая низ плаща. Он сидел в кожаном черном плаще, хотя на улице стояла теплая осень, странная для наших мест и времени года.

– Вам не жарко?

– Мне уже давно не жарко и не холодно, мальчик, – заметил он металлическим голосом.

– Мы с тобой заключили сделку. Так что внимательно слушай и записывай, ничего не упусти,

– Бесаргин поднял руку и щелкнул пальцами. Все в кафе: люди, посетители и официанты – остановились как статуи. Словно окаменели, застыли в разных позах. Время остановилось или его вообще не было. – Это чтобы нас не подслушивали.

– Вы остановили время?

– Да, и пространство, – спокойно ответил он.

Стрелки на моих часах застыли как вкопанные.

– Пожалуй, начнем...

Это случилось очень давно и очень далеко отсюда, во всех смыслах этого слова. В другом мире, в другом времени, на краю света. Тогда меня звали просто Магнус, я был мальчишкой, как ты – хотя ты старше – и я тоже жил в небольшом городке. Мне исполнилось четырнадцать; я, как и всегда, слонялся по базару. О, что это был за базар – там можно было найти все и вся. Не было вещи, которую бы там не продавали. Нужны были только деньги. Но у меня их не было. Я был сиротой – моя мать умерла, когда рожала меня; как сказала повитуха, старая горбунья, Боги не хотели, чтобы этот ребенок появился на свет. Старая карга была права. А отец погиб на бессмысленной войне, сражаясь за своего феодала, который даже имени его не знал. Наш дом продали, а я оказался на улице – один, покинутый всеми. Родня отказалась меня принять, им самим было нечего есть, и лишний рот им был не нужен, тем более, что я рос слабым и болезненным ребенком. Их можно понять. Итак, я остался один на улице. Так что мы с тобой, юноша, похожи и даже больше, чем ты можешь себе представить. Один на улице среди сотен таких же сирот, обездоленных войной между сеньорами. Знать никогда не считалась с потерями крестьян. Да и зачем жалеть чернь.

Мне пришлось выживать: спать в канавах, в стогах сена, драться и воровать. Постепенно я окреп и стал сильнее и наглее. Тот день пришелся на субботу, за день до воскресной службы. Любимым развлечением для простолюдинов и знати у нас в городе была казнь.

Это было что-то вроде шоу сейчас. Шоу в прямом эфире. Палач был настоящей звездой, хоть и не давал автографы. Народу, как всегда, набилось много. Яблоку было негде упасть. И я, как обычно, отправился на базарную площадь не только посмотреть кровавое представление, но и заодно собрать несколько кошельков у зевак.

Да, я был карманником, обычным воришкой. Я даже состоял в банде «маленьких сорви голов». Мы выживали, вместе ели и спали – все как один. У меня был лучший друг – Гаспар. Он был старше меня где-то на два года. Он был сильным и высоким – не то, что я тогда. Гаспар всегда меня защищал, когда мальчишки пытались побить меня. И у меня была любимая девушка, точнее, тайная и безнадежная любовь, почти как у тебя. Ее звали Люция, она была дочерью придворного звездочета. Ее отец вечно сидел у себя в высокой башне и носа из нее показывал. По ночам наблюдал за звездами, а днем чертил карты звездного неба. Фанатик, энтузиаст. Его звали Меркурио. Так что дочь отчасти была предоставлена сама себе и часто гуляла с нами по городу. Люция обожала танцевать и прекрасно танцевала. Она мечтала стать акробаткой и сбежать из города и от отца вместе с бродячим цирком. Отец, естественно, был

против, и на дочь у него были совершенно другие планы: выгодное замужество за богатого купца или за сына кого-нибудь сеньора. Я не мог даже мечтать о ней. Я уличный вор. Я никто и звать меня никак. К тому же Люция была красавицей: белая чистая кожа, словно ранний невинный снег, и огромные, бездонные, черные, как ночь, глаза; кудрявые волосы цвета вороного крыла спадали локонами до пояса, но она всегда заплетала их в косы. В городе ее все звали «лунолика», кроме того, она прекрасно пела, у нее был удивительный голос. Ее всегда звали петь и танцевать на городские праздники. Но сейчас не об этом. Так вот, когда я уже нашел и тихо, как кошка, залез в чужой карман с тугим и жирным кошельком, меня поймали – более того, меня поймали за руку. До того дня меня ни разу не ловили. Я был ловким карманником, но все рано или поздно бывает в первый раз.

3

– А что было дальше?

– А что бывает с ворами, мальчик? – Он все время звал меня «мальчиком», но я привык и не обращал внимания. – Меня ждало наказание. Справедливые горожане решили повесить мальчишку. Повесить меня за какой-то жалкий кошелек. Суровый век, суровые сердца. Но я их не виню. Одно обидно: меня решили казнить не на базарной площади в субботу, а за городом, на окраине, у дорожного столба, и в четверг. Так сказать, без почета. И несколько дней я провел в колодках, у позорного места, в меня бросали гнилые овощи и фрукты. Хуже все то, что Люция и Гаспар это видели, но они ничем не могли мне помочь. Я сам виноват, попался как сосунок.

Меня повесили на старом, сухом, но все еще крепком дереве.

И жить мне оставалось недолго, петля затягивалась с каждой секундой все туже и туже. Я уже сильно задыхался и хватал воздух, как рыба, выброшенная на берег. Еще немного, и потеряю сознание. Усну навсегда. Как вдруг черная тень закрыло солнце. Солнце стало черным, и днем, в обедню, стало темно как ночью. Это было чудом. Чудом, которое я увидел перед смертью. Так думал я тогда. Толпа зевак и любителей зрелищ в страхе разбежалась по домам. Уже потом я узнал, что это было затмение.

– Хозяин, поглядите, висельник, – произнес чей-то мерзкий голос.

– Я вижу, Гекко, – ответил ему низкий и хриплый.

А потом хриплый голос обратился ко мне. У меня уже потемнело в глазах.

– Ты хочешь жить, мальчишка? – спросил низкий голос.

Я просипел что-то в ответ и дергал ногами, как кукла.

– Ты хочешь жить и не умирать?

Я хриплю что-то из последних сил.

– Да.

– Хорошо, так и будет, – ответил низкий голос. Кто-то взял меня за руку.

– Зачем Вам висельник и воришка, хозяин? – пробубнил мерзкий голос.

– Он нам пригодится, карлик, поверь.

В следующее мгновение солнце вышло из тени, и снова стало светло.

– Меня зовут Агриппа Барбас, я алхимик и травник. Я подарил тебе новую жизнь, мальчик, ты мой должник и отработаешь свой долг.

Я поглядел на карлика, он был ниже меня в два раза, а я ведь среди уличных мальчишек был самым мелким.

У карлика были огненно-рыжие волосы и маленькие черные глаза, как у крысы.

– Это Гекко – мой слуга, – заметил низкий голос.

Передо мной стоял статный седой мужчина, все еще крепкий. Но удивительными были его глаза: один желтый, как у тигра, а другой черный, как уголь. Он опирался на посох и слегка хромал.

– Как тебя зовут, мальчик?

– Меня зовут Магнус.

– Мне нравится твое имя, мальчик. Ты станешь моим учеником.

– А Вы научите меня трюку с солнцем?

– Да, и многому другому я тебя научу, и дядя Гекко мне поможет.

Карлик отвратительно засмеялся.

После Агриппа взял меня к себе подмастерьем и многому меня научил, как и обещал. Это он научил меня читать мысли и, как ты говоришь, разным фокусам. Гекко, карлик, тоже меня учил, он был оборотнем и мог принять любой облик. Однажды он принял образ Люции, решил так посмеяться надо мной. У него было жуткое чувство юмора. Я его ненавидел, и он платил мне той же монетой, но боялся хозяина и не трогал меня. Хотя и ревновал мастера ко мне за то, что он взял, выбрал меня в ученики. Мы оба его боялись. Мы все втроем жили на старой мельнице, на краю леса, рядом с болотом. Бежать мне было некуда, в город я вернуться не мог.

Эта мельница была необычным местом, но однажды я решился на побег. Но как бы далеко я не убежал, я всегда возвращался к мельнице. Проклятое место.

– Ты хочешь бежать. Ты никуда не денешься, пока не выплатишь весь долг, – спокойно сказал Агриппа. – Мы заключили сделку, мальчишка. Твоя душа у меня, висельник!

– За свои поступки и слова нужно отвечать, – хмыкнул карлик.

Я понял, что попал в тюрьму. Не было ни стен, ни решеток, ни клетей, ни надсмотрщиков, но она была опаснее любой тюрьмы.

Казалось, что я провел на старой мельнице не больше года, но на самом деле прошло девятнадцать лет. Проклятое место.

4

Спустя девятнадцать лет Агриппа отпустил меня. Мне уже было тридцать три года – возраст Христа. С тех пор я не менялся, я застыл и застрял во времени, как памятник. С тех пор мне всегда было тридцать три года. Я вернулся в свой родной город, естественно, под другим именем. Там все изменилось, и не в лучшую сторону. В городе свирепствовала чума, многие умерли. Чуму в город завезли крысы с кораблей. Их принесли с собой моряки с далеких островов. И порт, который кормил наш город, погубил всех. Мой друг Гаспар скончался у меня на руках. Он не узнал меня, но самое страшное, что, когда мой лучший и единственный друг умер, издав последний вздох, я ничего не почувствовал. Не было ни боли, ни слез, ни даже огорчения или печали. Я просто прошел мимо, когда жгли его дом, вот и все. У Люции умер отец, тот самый звездочет, и я забрал ее с собой и даже женился на ней, но стало только хуже. Благодаря новым способностям и талантам я быстро заработал состояние.

Купил роскошный дом, завел прислугу и землю. Но меня ничего не радовало и не трогало. Однажды на охоте я порезался и ничего не почувствовал, ни капли боли. Только смотрел, как капает кровь. Моя кровь – и ничего. А через пару часов рана затянулась сама собой. Люция, о которой я так мечтал и которую с детства любил, стала безразлична мне. Она влюбилась в меня, но у меня внутри была пустота. Вскоре мы стали спать порознь. А однажды, когда мы поругались, я ударил ее, и ничего – даже это меня не тронуло. У нас не было детей, хотя мы старались. Похоже, Агриппа не шутил: у меня действительно пропала душа. Люция ушла от меня, но мне было все равно. Я не ел и не спал, мне это было не нужно, не уставал, не потел и даже не дышал, но жил. Больше я не чувствовал ни вкуса, ни запаха, ни ненависти, ни любви, ни злости. Я не плакал и не смеялся, не улыбался и даже не отражался в зеркале. Я завесил все зеркала в своем огромном доме. Они мне были не нужны. В конце концов, я сжег дом: зачем дом тому, кому не жарко и не холодно. Мне стало просто интересно, как далеко я могу пойти. И однажды я даже бросился со скалы вниз, прямо на острые камни, и ничего не произошло. Я остался жив: ни переломов, ни ссадин. Я стал абсолютно равнодушным, точнее, бездушным и бессмертным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.